

Юйцин терялся в догадках, зачем Эрмяо соврал. Он уже было засомневался, не стоит ли рассказать отцу мальчика правду, как вдруг инженер Фу спокойно произнес:

— В следующий раз будь аккуратнее. Ты ел?

Жуньшэн покачал головой.

Инженер Фу протянул сыну руку:

— Пойдем, поедим где-нибудь.

Мальчик на мгновение замешкался и лишь затем несмело сжал его ладонь.

Инженер Фу кивнул Юйцину:

— Ты ведь сын Дин Кана? Спасибо, что проводил Жуньшэна.

Юйцин никак не ожидал, что мужчина его знает. Он только открыл рот, чтобы вежливо поздороваться, но инженер уже увел Жуньшэна за собой.

Легковушка, на которой приехал инженер Фу, развернулась и уехала. Юйцин долго смотрел им вслед. Он видел, как отец с сыном вошли в двери Ресторана Маньфулоу — знаменитого старого ресторана в конце улицы. Там подавали хого с бараниной, а сами котлы были из тяжелой чистой меди. За всю свою жизнь Юйцин бывал там лишь однажды, когда всей семьей праздновали семидесятилетие бабушки.

Пока он стоял так, засмотревшись, на кончик носа упало что-то холодное. Пошел снег. Юйцин вздрогнул от набежавшего сквозняка, и только сейчас до него дошло, как сильно ноет избитое тело. Шмыгая носом и едва сдерживая слезы, он побрел домой.

Мать, Чжоу Хуэй, ушла на ночную смену и еще не возвращалась. Просить помощи у бабушки Юйцин побоялся, поэтому лишь тихонько подкрался к старшей сестре и потянул ее за край блузки. Юйфэнь молча обработала его ссадины мазью, а закончив, легонько ткнула пальцем в лоб:

— И кто тебя просил соваться в эту дыру?

— Ну я же просто поиграть хотел, — заканючил Юйцин. — Там все наши гуляют!

— Тогда и нечего теперь нюни распускать, — отрезала Юйфэнь. — Умный человек под гнилой стеной стоять не станет.

— Но ведь драться все равно нехорошо! — обиженно буркнул мальчик.

Юйфэнь лишь вздохнула, понимая, что спорить бесполезно, и взрослым, уставшим тоном произнесла:

— В мире много несправедливости, Юйцин. И далеко не всегда есть у кого искать правду.

Оба замолчали. Юйцин вспомнил, как сестру стащили с велосипеда какие-то хулиганы. Ему показалось, что Юйфэнь сейчас думает о том же. Тогда они заявили в милицию, но до сих пор — ни слуху ни духу.

В комнате басовито забили настенные часы. Юйфэнь убрала лекарства в коробку и помогла брату натянуть свитер:

— Ладно, марш за стол. И выброси из головы эти глупости. Чтобы ноги твоей там больше не было, понял? Иначе все матери расскажу — она быстро лишит тебя карманных денег.

Юйцин вцепился в ее руку и жалобно заныл:

— Ну сестри-и-ица...

— Не кривляйся, на меня это не действует, — отмахнулась Юйфэнь. — Заданий тебе мало задают, вот что я скажу. Мама, кстати, на днях говорила, что в следующие выходные ты пойдешь со мной к старушке Доу. Будешь серьезно учиться игре на скрипке, чтобы не шлялся где попало. К тому же при поступлении в среднюю школу это даст дополнительные баллы.

Учительница Доу вела уроки скрипки у Юйфэни. Новость о том, что Чжоу Хуэй решила отправить туда и его, грянула как гром среди ясного неба. Юйцин скорчил плаксивую мину:

— Да не хочу я пикировать на этой скрипке!..

— Как раз дома остался мой старый инструмент, из которого я выросла, — безучастно заметила сестра.

Юйцин едва не разрыдался от злости:

— Старший брат ведь не учится! Почему я должен? Я не собираюсь целыми днями стоять и пилить эти дрова!

Юйфэнь нахмурилась:

— Будь же ты умнее. Другие о таком только мечтают, а тебе все на блюдечке подносят.

Она вышла, оставив глубоко несчастного Юйцина кататься по кровати. Стянув ворот свитера, он уныло поглядел на багровеющий синяк на плече и, уткнувшись лицом в подушку, снова тихонько захныкал.

Впрочем, даже сквозь слезы он чутко прислушивался и принимался к тому, что происходило в доме. Похоже, сегодня бабушка сварила наваристый суп с соевым творогом на свиных ребрышках. Стоило ей приоткрыть крышку, как по коридору поплыл одуряющий, густой аромат, бесцеремонно забиравшийся прямо Юйцину в нос.

Юйцин похныкал для приличия еще пару секунд, надеясь, что его позовут обедать. Но потом сообразил: если медлить, Юйфэнь наверняка выловит из кастрюли самые мясистые куски. Собственное достоинство перед лицом ароматного наваристого бульона не стоило и гроша. Мальчик мигом вскочил, утер нос рукавом и побежал на кухню — отбивать у сестры законную добычу.

Горячий ужин вернул Юйцину душевное равновесие, и дневные невзгоды мигом вылетели у него из головы. Покончив с едой, он прихватил тарелочку жареных соевых бобов с солью и сычуаньским перцем и утащил к себе в комнату, где с упоением зарылся в потрепанную книгу, которую тайком стянул из маминого шкафа.

История начиналась в затерянной среди снегов усадьбе, где жарко пылал камин, скалились свирепые псы, на столах блестело серебро, а в кладовых ломились от окороков деревянные полки. В этом доме, совсем как у тети Юйцина, приходилось разжигать печи и выгребать угольную золу, поэтому, несмотря на скверный нрав хозяина поместья, рассказ казался мальчику удивительно близким и понятным.

Он как раз дошел до момента, когда путник, едва пробившись сквозь метель, наконец вернулся к жаркому домашнему очагу, как вдруг за окном послышался звон бьющейся посуды.

Грохот был такой силы, что, казалось, доносился из соседней квартиры. Юйцин отложил книгу, с любопытством взобрался на письменный стол и приник к стеклу.

Шумели у Жуньшэна. Окно в их квартире почему-то оказалось разбито, и сквозь зияющую дыру наружу, смешиваясь с завыванием ветра, со свистом вырывались яростные крики.

—... А вспомни, как ты ползал на коленях перед моей матерью, как пес шелудивый! — визжала Сюй Цзинцзин, захлебываясь злобой. — А теперь, когда мой брат слег, когда наша семья лишилась былого влияния, ты сразу расправил плечи? О разводе заговорил?!

— Сюй Цзинцзин, какой смысл и дальше мучить друг друга? — раздался тихий, усталый голос инженера Фу. — Ты еще молода... Отпусти меня. Дай и себе вздохнуть спокойно...

— Отпустить?! Теперь ты вспомнил об этом?! А раньше где был? Слышишь меня? Да ни за что на свете!

Дикие крики и грохот бьющейся утвари на ночной улице разбудили, кажется, весь жилой корпус. На светящихся окнах то тут, то там начали проступать силуэты любопытных жильцов. В комнату Юйцина, привлеченная шумом, поспешно вошла бабушка, Ли Шуминь.

Мать Эрмяо билась в истерике, а его отец почти не защищался — по большей части он угрюмо молчал, безропотно снося потоки брани.

Юйцин напряженно прислушивался, но голоса самого Эрмяо так и не разобрал. Мальчик сидел на подоконнике, беспокойно вглядываясь в темноту.

«Неужели его нет дома? Хоть бы его там не было... Слышать, как родители так грызутся — это же невыносимо».

Ночь за окном дышала холодом.

Ссора продолжалась недолго. Инженер Фу, не выдержав натиска, ушел, хлопнув дверью. Из темной глубины разбитого окна еще какое-то время доносились глухие, надрывные удары — похоже, Сюй Цзинцзин в ярости крушила мебель.

Вскоре все затихло. Один за другим в домах начали гаснуть огни, погружая двор во тьму.

\*\*\*

Жунышэн не появлялся в школе несколько дней. Юйцин пробовал заглянуть к нему, но за дверью квартиры царил безмолвие, а разбитую раму так никто и не потрудился застеклить.

Бабушка Ли Шуминь, знавшая половину старожилов завода № 176, быстро разузнала, какая кошка пробежала между супругами на этот раз.

Первая жена инженера Фу покончила с собой. После этого его дела пошли прахом: мужу пришлось уйти из конструкторского отдела завода № 176, его сослали в глухой деревенский производственный отряд. Официально это называлось «оказанием технической поддержки», но какую пользу на полях мог принести городской чертежник? Всем было ясно, что его попросту отправили на трудовое перевоспитание.

Сюй Цзинцзин в юности умом не отличалась — крутила шашни с какой-то местной шпаной, да и забеременела от него. Семья у нее была непростая: отец, пусть и отошел от дел по болезни и безвыездно жил в санатории, все еще сохранял связи, так что о браке с проходимцем не могло быть и речи. Но в те времена родить без мужа считалось несмыслаемым позором. Чтобы замаять скандал, родственники бросились спешно подыскивать покладистого жениха.

Выбор пал на Фу Чжэ. Его покойный отец когда-то во всем поддерживал семейство Сюй, так что человек он был проверенный. Сам инженер, хоть и был заметно старше невесты, да к тому же успел овдоветь, детей не имел, отличался кротким нравом и пользовался отличной репутацией.

Насильно под венец никого не загонишь, так что согласие Фу Чжэ было обязательным условием. Впрочем, тогда люди редко заглядывали далеко в будущее. Жизнь Фу Чжэ в ссылке была беспросветной и горькой, он отчаянно цеплялся за любую соломинку, лишь бы вырваться из нищеты. Сюй Цзинцзин, молодая, красивая, да еще и из влиятельной семьи, казалась ему единственным спасением.

Закрывая глаза на ее грехи, он согласился на этот брак.

Семейная жизнь, разумеется, не заладилась с самого начала. Сюй Цзинцзин мужа презирала и продолжала сохнуть по своему ненаглядному бандиту. Фу Чжэ же вел себя с ней подчеркнуто вежливо и отстраненно. Под одной крышей они существовали как чужие люди, связанные лишь сухим штампом в паспорте.

Жена помыкала им как хотела, а он безропотно терпел. Тем временем родственники Сюй выполнили обещание: пустили в ход связи и перевели зятя обратно на завод № 176. Вскоре после этого беременная Сюй Цзинцзин поскользнулась на обледенелой дорожке. Случились преждевременные роды, и ребенок не выжил.

Фу Чжэ ухаживал за больной женой не смыкая глаз, безропотно снося все ее дикие капризы и вспышки гнева, которые после трагедии стали совсем невыносимыми. Ситуацию усугублял бывший хахаль Сюй Цзинцзин: проведая о случившемся, он повадился навещать безутешную мать, из-за чего в доме то и дело разыгрывались постыдные сцены.

Что происходило дальше, соседи знали лишь смутно. Известно было только, что тот ухажер в итоге женился на другой, а Сюй Цзинцзин вскоре вновь забеременела.

На какое-то время в семье воцарился хрупкий мир. Но спустя пару лет Фу Чжэ внезапно отдалился от жены и стал все реже ночевать дома. Поговаривали, будто Сюй Цзинцзин в слезах прибегала к нему прямо в конструкторский отдел, так что руководству даже пришлось выступать в роли миротворцев.

— Люди шепчутся, что и этот малец — не от инженера Фу, — вздыхала Ли Шуминь. — Тьфу, грех-то какой...

— Да быть не может, — сомневалась Чжоу Хуэй. — Мальчишка же вылитый бабка по отцовской линии. С его-то светлыми волосами... Такую породу ни с кем не спутаешь.

— Много ты понимаешь! — качала головой старушка Ли Шуминь. — Тот бандит, матерью его клянусь, тоже был с глубокими глазницами и русыми волосами. А у инженера Фу коса воронья!

Поговаривали, Сюй Цзинцзин потому за него и пошла, что он чертами лица на ее любовника походил. Так что поди разбери теперь, чьих кровей малец. Ладно еще отец... А вот мать, говорят, на сына без злобы смотреть не может. Всю жизнь попрекает, что родился не вовремя.

— Сами кашу заварили, а расплачивается ребенок, — вздохнула Чжоу Хуэй.

— И то верно, — согласилась Ли Шуминь. — Какому мужику понравится, когда жена перед всем честным народом подолом крутит? Ладно бы раз оступилась, так ведь и второй нагуляла! Любой другой на месте Фу Чжэ ее бы до полусмерти забил. У него просто ангельское терпение.

— Мама, не мешай все в одну кучу, — недовольно прервала ее Чжоу Хуэй. — Кто бы ни сглупил, если неумоготу вместе жить — разведитесь. А кулаками махать — последнее дело.

— Развестись? Да Сюй Цзинцзин костями ляжет, но развода ему не даст. Она так и заявила — мол, только во сне такое увидишь!

Чжоу Хуэй лишь покачала головой и замолчала.

Юйцин, прижавшись ухом к щели приоткрытой двери, ловил каждое слово. В груди у него закипала детская обида.

«Но при чем тут вообще Эрмяо? Разве он хоть в чем-то виноват?»

<http://bllate.org/book/19415/1959636>